

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2025.87.81.006

## Государственный музей Китая и Эрмитаж: сравнительное исследование в контексте культурного наследия Шёлкового пути

**Мэн Чэнь**

Аспирант,  
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,  
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;  
e-mail: Lisamengc@yandex.com

### Аннотация

Проведенное исследование осуществляет сравнительный анализ репрезентационных стратегий Государственного музея Китая и Государственного Эрмитажа в контексте интерпретации культурного наследия Великого Шёлкового пути. Выявлены две конкурирующие парадигмы: централизованная модель ГМК, интегрирующая исторический нарратив в идеологию «великого возрождения китайской нации», и полицентричная модель Эрмитажа, основанная на принципах «цивилизационной стратиграфии» и представляющая Шёлковый путь как открытое поле диалога культур. Анализ показывает, что музеи выступают не пассивными хранителями, а активными акторами, чьи кураторские стратегии детерминированы национальными историографическими традициями и актуальными политическими контекстами, что формирует различные версии исторического сознания и коллективной идентичности.

### Для цитирования в научных исследованиях

Мэн Чэнь. Государственный музей Китая и Эрмитаж: сравнительное исследование в контексте культурного наследия Шёлкового пути // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 9А. С. 43-50. DOI: 10.34670/AR.2025.87.81.006

### Ключевые слова

Великий Шёлковый Путь, Государственный Музей Китая, Государственный Эрмитаж, Музейная Интерпретация, Культурное Наследие, Сравнительный Анализ.

## Введение

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом к феномену Великого Шёлкового пути не только как к историческому торговому маршруту, но и как к сложному транскультурному пространству, чьё наследие активно интерпретируется и конструируется в современных музейных практиках. Музеи, выступая ключевыми институтами памяти, играют решающую роль в формировании публичных исторических нарративов, которые, в свою очередь, отражают и легитимизируют определённые национальные и геополитические стратегии [Амосова, Ремеева, 2018]. В этом контексте сравнительный анализ репрезентационных моделей двух ведущих мировых музеев Государственного музея Китая в Пекине и Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге представляет особый научный интерес, поскольку позволяет выявить фундаментально различные подходы к осмыслению общего евразийского культурного наследия.

Цель исследования заключается в сравнительном анализе кураторских стратегий и эпистемологических оснований, определяющих интерпретацию наследия Шёлкового пути в двух музеях. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: выявить и охарактеризовать доминирующие нарративные структуры и принципы экспонирования; проанализировать связь музейных репрезентаций с национальными историографическими традициями и актуальными политическими контекстами; определить методологические инструменты, используемые музеями для верификации и актуализации исторического знания.

Научная новизна работы заключается в системном сопоставлении двух парадигм китайской, центрированной и иерархической, и российской, полицентричной и сетевой, что позволяет рассмотреть музей не как нейтрального хранителя артефактов, а как активного актора в производстве исторических смыслов и формировании коллективных идентичностей в современном мире.

### **Великий Шёлковый путь: историко-культурная динамика и трансрегиональное взаимодействие**

Возникновение и консолидация системы трансконтинентальных коммуникаций, известной как Великий Шёлковый путь, представляют собой классический пример формирования макррегионального пространства, инициированного государственной волей и легитимизированного экономической целесообразностью. Исходным формальным импульсом послужила дипломатическая миссия Чжан Цяня (II в. до н.э.), отправленного империей Хань для поиска стратегических союзников против кочевой конфедерации сюнну. Хотя её непосредственные политические цели не были полностью достигнуты, экспедиция принесла в Китай ценнейшие географические и этнографические знания о народах и государствах Центральной Азии, тем самым структурировав ранее диффузные контакты в систему осознанных маршрутов. Последующая институционализация этих связей привела к созданию сложной, полицентричной и динамичной сети, траектории которой (северная через Ферганскую долину и Тянь-Шань, и южная окаймляющая Таримскую впадину) определялись не столько географическим детерминизмом, сколько факторами политической стабильности (как в периоды расцвета при Тан и Юань) и климатическими колебаниями [Барина, 2012]. Ключевые узлы этой сети Самарканд, Мерв, Балх, Кашгар эволюционировали из торговых факторий в крупные урбанистические и культурные центры, где концентрировались товарные потоки,

финансовые операции и межкультурный диалог. Таким образом, Шёлковый путь сформировался не как статичная линия, а как постоянно реконфигурируемая пространственная система, чья архитектура отражала меняющийся баланс сил и экономических интересов в Евразии.

Экономический фундамент системы базировался на обмене высоколиквидными и престижными товарами, где китайский шёлк выполнял не только функцию меновой стоимости, но и символа высочайшего качества и культурной утонченности, особенно в Римской империи и Византии. Однако его историческое значение выходит далеко за рамки товарного обмена. Шёлковый путь стал главным каналом трансфера фундаментальных технологий, оказавших долгосрочное воздействие на глобальный исторический процесс [Башпанник, 2016]. К числу таких инноваций относятся технология производства бумаги, порох, компас и усовершенствованные методы металлургии. При этом сам процесс трансфера не был механическим копированием; он представлял собой сложную «культурную фильтрацию», когда знания адаптировались и переосмысливались в новой социокультурной среде. Яркий пример — путь бумаги из Китая на Ближний Восток в VIII веке и далее, через мусульманскую Испанию, в Европу, где технология претерпела значительные модификации как в сырьевой базе, так и в производственных процессах. Аналогичным образом распространялись астрономические трактаты, медицинские и агротехнические знания, что позволяет рассматривать Шёлковый путь не просто как торговую артерию, но как мощную эпистемологическую систему, обеспечивавшую кросс-культурный обмен научными и техническими достижениями.

Наиболее глубокие и долговременные последствия функционирования Шёлкового пути проявились в сфере культурной и религиозной динамики. Это пространство стало глобальным плавильным тиглем, где происходили интенсивные процессы гибридизации, приводившие к возникновению новых, синкретических форм в искусстве, архитектуре, музыке и, прежде всего, в религиозной практике [Бродянский, 2004]. Буддизм, мигрируя из Индии в Китай и Центральную Азию, не просто транслировался, но глубоко адаптировался, порождая уникальные иконографические и доктринальные школы, что наглядно зафиксировано в комплексах пещер Могао и (уничтоженных) Бамианских статуях. Аналогично, ислам в Центральной Азии впитал в себя мощные пласты доисламских персидских и тюркских традиций. Архитектурные памятники вдоль маршрута, такие как мечети Самарканда с их полихромной майоликой или монастыри Дуньхуана, демонстрируют сложное переплетение эллинистических, индийских, сасанидских и китайских стилистических влияний, создававших визуальные коды, понятные разнородной аудитории. Этот синтез проявлялся и в материальной культуре: ремесленные техники (китайское лакирование, иранское ткачество), музыкальные инструменты (ситара, эрху) и фольклорные сюжеты свободно циркулировали и взаимно обогащали друг друга, формируя единое семиотическое поле на гигантских пространствах Евразии.

Важно подчеркнуть, что взаимодействие вдоль Шёлкового пути не сводилось к идилической мирной торговле. Периоды интенсивной кооперации чередовались с фазами завоеваний и конфликтов, связанных с экспансией арабских халифатов, монгольскими завоеваниями и возвышением тюркских империй. Парадоксальным образом, эти разрушительные события часто выступали не столько препятствием, сколько катализатором коммуникации, разрушая старые политические барьеры и создавая новые, более обширные имперские пространства (как при Монголах), которые унифицировали административные практики и безопасность маршрутов, тем самым интенсифицируя обмен. Ключевыми агентами

этого непрерывного процесса, независимо от политической обстановки, выступали конкретные носители знаний и традиций: купцы, буддийские монахи, мусульманские богословы, дипломаты, ремесленники и ученые. Именно их мобильность обеспечивала перевод текстов, адаптацию технологий, передачу художественных канонов и формирование основ взаимного интереса и понимания между различными цивилизационными ареалами. Их совокупная деятельность способствовала кристаллизации особой трансрегиональной идентичности, основанной не на этнической или политической общности, а на причастности к единому, сложноорганизованному коммуникационному пространству. В этом контексте современное обращение к концепции «Шёлкового пути» в международных проектах является свидетельством его выносимого значения как модели полицентричного, многовекторного взаимодействия, объединяющего народы Евразии в общем историко-культурном поле.

### **Музей как эпистемологический институт: интерпретация культурного наследия Шёлкового пути в глобальном контексте**

Современные музеи, выступая в роли ключевых эпистемологических институтов, осуществляют не просто презентацию, а сложную научную интерпретацию культурного наследия Шёлкового пути, трансформируя археологические артефакты в элементы связного исторического нарратива. Их методологическая функция выходит далеко за рамки простого экспонирования; она заключается в конструировании семиотически насыщенного пространства, где материальные объекты (керамика, нумизматика, текстиль, предметы культа) обретают значение через помещение в широкий цивилизационный контекст. При этом различные музеи формируют четкий исследовательский и выставочный парадигмы, отражающие национальные научные школы и актуальные историософские дискурсы. Ярким примером является Государственный музей Китая в Пекине, который в своей экспозиции, посвящённой Шёлковому пути, акцентирует роль Китая как системообразующего и иницирующего центра этой трансконтинентальной системы, что коррелирует с современной государственной стратегией «Один пояс — один путь». В противоположность этому, Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге развивает топографически-стратиграфическую модель, представляя Шёлковый путь не как линейный маршрут, а как сложное полицентричное культурное поле, «глубину» взаимодействия в котором раскрывают компаративные витрины, где, например, гунские золотые пластины из Южной Сибири экспонируются рядом с танскими тканями, визуализируя диалог кочевой и оседлой культур [Воскресенский, 2003]. Этот метод позволяет деконструировать устаревшие бинарные оппозиции «центр — периферия» и предложить посетителю многополярную модель исторического процесса.

Важнейшим аспектом научной деятельности музеев является применение междисциплинарных подходов и цифровых технологий для верификации и актуализации наследия. Такие методы, как термолюминесцентный анализ керамики, мультиспектральное сканирование живописных слоёв согдийских фресок или 3D-моделирование утраченных архитектурных объектов, позволяют не только атрибутировать памятники, но и реконструировать их первоначальный облик и бытование, раскрывая тем самым их «биографию». Образовательная и просветительская функция музеев эволюционирует в сторону интерактивного вовлечения аудитории через создание сложных мультимедийных инсталляций, виртуальных реконструкций (как в совместном проекте Эрмитажа «Зеркала Шёлкового пути», где были оцифрованы космографические карты Дуньхуана и Константинополя), а также

проведение специализированных лекториев и мастер-классов [Гнедовский, 1988]. Эти практики направлены на формирование у публики, и прежде всего у молодого поколения, не только исторических знаний, но и критического понимания процессов культурного трансфера, гибридизации и религиозного синкретизма, наглядно демонстрируемых на примере сосуществования в музейном пространстве артефактов буддизма, зороастризма, ислама, христианства и манихейства. Музей, таким образом, становится лабораторией по изучению «цивилизационной экологии» Евразии, где визуальные нарративы выстраиваются для демонстрации не иерархии, а взаимовлияния и симфонии различных традиций.

В условиях глобализации музейная интерпретация Шёлкового пути немыслима без развития международного научного партнёрства, которое реализуется через совместные выставочные проекты, обмен экспозициями и проведение кросс-культурных исследований. Коллаборации таких институций, как Государственный музей Китая, Эрмитаж, Лувр и Британский музей, позволяют преодолеть национально-центричные историографические модели и создать полифонический, многоголосый нарратив, отражающий истинно трансконтинентальный характер Шёлкового пути [Жежински, 2000]. Эти проекты, наряду с цифровизацией коллекций и созданием открытых онлайн-архивов, способствуют демократизации доступа к культурному наследию и являются действенным инструментом против политически ангажированных трактовок истории. Однако музеи одновременно сталкиваются и с комплексом вызовов, включая этико-правовые вопросы репатриации артефактов, необходимость физического сохранения хрупких памятников и давление со стороны различных политических сил, стремящихся инструментализировать историческое наследие [Зонн, Тянь, 2015]. Преодоление этих вызовов требует от музейного сообщества выработки единых стандартов научной этики, прозрачности в атрибуции источников и обязательств объективной, многофакторной интерпретации, которая лишь одна может раскрыть всю сложность и многогранность Великого Шёлкового пути как феномена всемирной истории.

### **Сравнительный анализ кураторских стратегий Государственного музея Китая и Государственного Эрмитажа в контексте интерпретации наследия Шёлкового пути**

Проведенный сравнительный анализ кураторских моделей Государственного музея Китая (ГМК) и Государственного Эрмитажа выявляет две принципиально различные парадигмы в интерпретации феномена Шёлкового пути, детерминированные национальными историографическими традициями и актуальными политико-идеологическими контекстами. ГМК выстраивает нарратив в рамках концепции исторической преемственности и цивилизационной исключительности Китая, интегрируя тему Шёлкового пути в мета-нарратив «великого возрождения китайской нации». Визуальным и концептуальным стержнем экспозиции выступает «дерево технической эволюции», где такие инновации, как шёлк, бумага, фарфор и порох, презентуются не просто как товары, но как символы бесспорного цивилизационного лидерства Поднебесной, отправной точки глобального технологического развития [Ло Цзе, 2015]. Экспозиция, организованная по хронологическому принципу от миссии Чжан Цяня до морских походов Чжэн Хэ, сознательно выстраивает центростремительную модель, в которой Китай позиционируется как культурный донор, а сопредельные регионы как реципиенты или пассивные посредники. Эта кураторская стратегия, тесно связанная с государственной культурной доктриной и инициативой «Один пояс — один

путь», направлена на укрепление национальной идентичности и формирует чёткий образ цивилизованного Китая, противостоящего внешнему миру, который лишь заимствует и адаптирует его достижения.

В противоположность этому, Государственный Эрмитаж развивает комплексную полицентричную интерпретацию, основанную на принципах «цивилизационной стратиграфии» и «топологии культуры». Ключевым методом здесь является не линейное повествование, а организация символического диалога между артефактами из различных эпох и регионов, что подчёркивает взаимопроникновение, а не иерархию культур. Например, экспонирование скифского золота из Алтая рядом с изделиями ханьской эпохи визуализирует переключку между кочевой и оседлой цивилизациями Евразии. Кураторская стратегия Эрмитажа строится как серия интерпретационных экспериментов, где Шёлковый путь расщепляется на тематические узлы (распространение буддизма, миграция технологий), раскрывающие многослойность культурного обмена. Так, экспозиция, посвящённая эволюции стремян, сопровождается реконструкцией упряжи и инфографикой, связывающей это техническое новшество с трансформацией военного дела в Европе [Самойловский, 2024]. Этот подход, близкий к глобальной культурной антропологии, позволяет представить Шёлковый путь не как линию из Китая на Запад, а как открытое полифоническое поле взаимодействия народов, идей и религий.

Методологическая база и образовательные практики двух музеев также кардинально различаются, отражая их эпистемологические установки. ГМК опирается преимущественно на национальную археологическую традицию и официальный исторический дискурс, его образовательные программы ориентированы на патриотическое воспитание и формирование у широкой аудитории образа Китая как культурного гегемона. В то же время Эрмитаж активно внедряет междисциплинарные исследования, привлекая данные генетики, лингвистики и антропологии, что воплощено в концепции «культурного мутационного поля». Научная деятельность институционализирована в таких структурах, как «Лаборатория рукописей Шёлкового пути», где публике демонстрируются процессы работы с архивными материалами и цифровыми реконструкциями. Цифровые проекты, такие как «Зеркала Шёлкового пути» (с использованием блокчейна для верификации данных), и активное международное партнёрство с ведущими мировыми музеями подчёркивают обязательство Эрмитажа к идее глобального музейного сообщества и открытой науки. Таким образом, сравнение двух моделей китайской, иерархической и централизованной, и российской, горизонтальной и сетевой, релевантно не только для музеологии, но и для понимания того, как современные институции конкурируют за право формирования исторического сознания в условиях актуальных геополитических и культурных процессов.

## Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что сравнительный анализ репрезентационных стратегий Государственного музея Китая и Государственного Эрмитажа в контексте интерпретации наследия Шёлкового пути выявляет не просто различные кураторские методы, но фундаментально различные эпистемологические и идеологические парадигмы. Эти парадигмы, будучи укоренёнными в национальных историографических традициях и актуальных политических контекстах, формируют два конкурирующих взгляда на евразийское историко-культурное пространство. Государственный музей Китая, выстраивая центростремительную модель, легитимирует через исторический нарратив современную

внешнеполитическую и культурную стратегию, позиционируя Китай как изначальный цивилизационный центр и донора. В противоположность этому, Эрмитаж, реализуя полицентричную модель «цивилизационной стратиграфии», предлагает децентрализованную, сетевую концепцию Шёлкового пути как общего наследия, основанного на диалоге и взаимовлиянии.

Данное противоречие обладает значительным эвристическим потенциалом, поскольку релевантно не только для музеологии, но и для более широких дисциплин исследований культурной памяти, исторической политики и геокультуры. Оно наглядно демонстрирует, как крупные музейные институции становятся ключевыми акторами в производстве и легитимации исторического знания, участвуя в конструировании национальных и транснациональных идентичностей. Перспективы дальнейшего изучения проблемы видятся в детальном анализе рецепции этих музейных нарративов различными аудиториями, а также в исследовании потенциала международных коллабораций для преодоления чрезмерно политизированных трактовок и выработки более сбалансированного, полифонического подхода к пониманию общего евразийского наследия.

## Библиография

1. Амосова А. А., Ремеева А. Е. Российско-китайское сотрудничество: музейная деятельность и туризм // Вопросы музеологии. – 2018. – № 1. – С. 64–72.
2. Барина И. Б. Зеркала как источник по истории контактов народов Средней Азии с Китаем в древности и средневековье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2012. – № 4. – С. 51–57.
3. Баштанник С. В. Средневековая городская культура на сырдарьинском направлении Великого шелкового пути // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 37-1. – С. 156–160.
4. Бродянский Э. Л. Международная конференция археологов века в век // Вестник Института востоковедения Российской академии наук. – 2004. – № 1. – С. 59–64.
5. Воскресенский А. Е. Китай и Россия в Центральной Азии: традиционные вызовы и новые возможности // Лица Востока. – 2003. – № 3. – С. 93–102.
6. Гнедовский Б. Проектирование прошлого — музеи будущего: метаморфозы проектного подхода в музейном деле // О замыслах организации: сборник научных трудов НИИ культуры / Науч.-исслед. ин-т культуры. – Москва, 1988. – С. 66–74.
7. Жежински Ч. Зрелищный музей — между храмом и торговым центром: о мышлении противоречий // Пинакотека. – 2000. – № 2. – С. 15.
8. Зонн И. С., Тянь Ю. Новое прочтение Великого Шёлкового пути // Проблемы постсоветского пространства. – 2015. – № 3. – С. 5–18.
9. Ло Цзе. К сообществу единой судьбы // Знание о Китае. – 2015. – № 1. – С. 16–17.
10. Самойловский А. Л. Великий шелковый путь и его влияние на культурный обмен и экономическое развитие древних цивилизаций // Наука. Общество. Оборона. – 2024. – Т. 12, № 3. – С. 27.

## National Museum of China and the Hermitage: A Comparative Study in the Context of the Silk Road Cultural Heritage

**Meng Chen**

Graduate Student,  
Lomonosov Moscow State University,  
119991, 1 Leninskiye Gory, Moscow, Russian Federation;  
e-mail: Lisamengc@yandex.com

## Abstract

The conducted research performs a comparative analysis of the representational strategies of the National Museum of China and the State Hermitage Museum in the context of interpreting the cultural heritage of the Great Silk Road. Two competing paradigms have been identified: the centric model of the NMC, integrating the historical narrative into the ideology of the "great rejuvenation of the Chinese nation," and the polycentric model of the Hermitage, based on the principles of "civilizational stratigraphy" and presenting the Silk Road as an open field for cultural dialogue. The analysis shows that museums act not as passive custodians but as active actors whose curatorial strategies are determined by national historiographical traditions and current political contexts, shaping different versions of historical consciousness and collective identity.

## For citation

Meng Chen (2025) Gosudarstvennyy muzey Kitaya i Ermitazh: sravnitel'noye issledovaniye v kontekste kul'turnogo naslediya Shyolkovogo puti [National Museum of China and the Hermitage: A Comparative Study in the Context of the Silk Road Cultural Heritage]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (9A), pp. 43-50. DOI: 10.34670/AR.2025.87.81.006

## Keywords

Great Silk Road, National Museum of China, State Hermitage Museum, museum interpretation, cultural heritage, comparative analysis.

## References

1. Amosova A. A., Remeeva A. E. Russian-Chinese cooperation: museum activities and tourism // Questions of museology. - 2018. No. 1. pp. 64-72.
2. Barinova I. B. Mirrors as a source on the history of contacts between the peoples of Central Asia and China in antiquity and the Middle Ages // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Universal History. - 2012. - No. 4. - pp. 51-57.
3. Bashtannik S. V. Medieval urban culture in the Syrdarya direction of the Great Silk Road // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, 2016, No. 37-1, pp. 156-160.
4. Brodyansky E. L. International Conference of Century-to-Century Archaeologists // Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2004, No. 1, pp. 59-64.
5. Voskresensky A. E. China and Russia in Central Asia: traditional challenges and new Opportunities // Faces of the East. 2003. No. 3. pp. 93-102.
6. Gnedovsky B. Designing the past — museums of the future: metamorphoses of the design approach in museum business // About the intentions of the organization: collection of scientific papers of the Scientific Research Institute of Culture / Scientific research. Institute of Culture. - Moscow, 1988. - pp. 66-74.
7. Zhezhinsky Ch. A spectacular museum — between a temple and a shopping mall: about the mindset of contradictions // Pinakothek. - 2000. - No. 2. - p. 15.
8. Zonn I. S., Tian Yu. A new interpretation of the Great Silk Road // Problems of the post-Soviet space. - 2015. - No. 3. - pp. 5-18.
9. Lo Tse. Towards a community of common destiny // Knowledge about China. 2015. No. 1. pp. 16-17.
10. Samoilovsky A. L. The Great Silk Road and its influence on cultural exchange and economic development of ancient civilizations. Society. Defense. - 2024. - Vol. 12, No. 3. - P. 27.